
П.А. Ольхов

П.А. Ольхов

*Кандидат философских наук,**доцент БелГУ,**г. Белгород**pavel.olkhov@yandex.ru*

История как искусство: «Война и мир» Л.Н. Толстого в истолковании Н.Н. Страхова*

Историко-философское исследование уникальных размышлений Л.Н. Толстого об истории немало затруднено той неприязнью, с которой он относился к научно-философским схемам понимания событий исторического прошлого. Строгой научной форме выражения в отношении исторических процессов или событий Л.Н. Толстой предпочитал художественную, несущую его личную морально-этическую и эстетическую оценку. Это вызывало недоумение у многих его современников – от П.А. Вяземского, «прибранившего» автора «Войны и мира» за его «нравственно-литературный материализм»², до П.В. Милюкова, решившего было, что Толстой, не будучи историком ex professo, впал в собственный эстетический релятивизм³. О том, насколько художественно-ориентированные высказывания Л.Н. Толстого об истории нуждаются в специальном обсуждении, свидетельствуют известные обзорные труды по истории русской философии. Н.О. Лосский в своём энциклопедическом обзоре совсем избегал писать о Л.Н. Толстом⁴; В.В. Зеньковский, возражая Лосскому, его концептуальному неприятию Л.Н. Толстого как «плохого» философа, сосредоточивался на религиозной разработанности

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 09-03-00107 а.

взглядов Толстого, «системе мистического имманентизма», мимоходом замечая о толстовском «принципиальном антиисторизме»⁵, и т. д.

В этом контексте для нас важно, что по-своему остро и поучительно переживал недоразумения относительно исторических высказываний Л.Н. Толстого его современник, многолетний собеседник Н.Н. Страхов. Едва ли не сразу после смерти Н.Н. Страхова (1828-1896) его работы о Л.Н. Толстом, как, впрочем, и его собственные труды, посвящённые проблемам истории, были почти целиком забыты⁶. После афористичных, журнальных работ В.В. Розанова (единственного, кто числил себя учеником Н.Н. Страхова и продолжал помнить и писать об учителе ещё в 10-е годы XX в.⁷) страховские рассуждения об истории оказывались в поле зрения исследователей исключительно редко: кратким был комментарий к страховской философии истории Д.И. Чижевского⁸; в беглом черновом наброске остался замысел писать о значении Страхова в истории русской мысли Г.Г. Шпета⁹. Между тем, характерная взаимность, «жгучий интерес взаимного аукания»¹⁰, который давал себя знать в совместном историческом мышлении этих современников, позволяют признать Н.Н. Страхова одним из наиболее значимых комментаторов толстовского наследия.

В 1885 году, в некоторой полемической запальчивости, которая, впрочем, не казалась чем-то чрезвычайным его современникам, переживавшим свои «воздушные революции» – перемены в стратегиях мышления и способах высказывания, Н.Н. Страхов признался, что он «задолго до нынешней славы Толстого, до восторгов, вызванных его произведениями за границей и повторенных у нас, в то время, когда даже ещё не была кончена “Война и мир”, я почувствовал великое значение этого писателя и старался объяснить его читателям... Долго я подвергался за него насмешкам, но наконец сила вещей победила, и теперь, вероятно, тот сам заслужит похвалу, кто превзойдёт других в похвалах Толстому. Дело, конечно, не в том, что я первый, и уже давно, печатно, провозгласил Толстого гениальным и причислил его к великим русским писателям. Главное всегда – в понимании духа писателя, в том внутреннем сочувствии, которое открывает нам самую глубину его произведений»¹¹.

Н.Н. Страхов вполне имел основания говорить об особом пути понимания Толстого: он предпочёл прочесть Л.Л. Толстого «органически», следуя «общим началам критики Ап. Григорьева», что было большой редкостью для читателей, соблюдавших установки критического мышления позднего В.Г. Белинского и следовавших за ним Н.А. Добролюбова, Д.И. Писарева, А.Н. Пыпина и др. Программа «органической критики» Ап. Григорьева предполагала некие общие начала исторического понимания, которые к тому времени уже вполне плодотворно дали себя знать в трудах западных историков (Н.Н. Страхов упоминает Т. Карлейля, И. Тэна и Э. Ренана), – «глубокие начала, которые завещаны нам немецким идеализмом, единственною философиею, к которой до сих пор должны прибегать все, желающие понимать историю или искусство»¹². Эта программная установка исключала, как некое «идолопоклонство», «служение требованиям времени»¹³ и, между прочим, предполагала доверительное отношение к исследуемой гуманитарной реальности искусства и исторического познания¹⁴. «Органическая критика», которая была направлена на воссоздание и уточнение предпосылок гуманитарного познавательного опыта, позволила самому Ап. Григорьеву ещё в 1862 году обнаружить «новое слово» Л.Н. Толстого; две статьи Григорьева о Толстом, которые были опубликованы во «Времени», по настоянию Григорьева получили название «Явления нашей литературы, пропущенные критикой», и эпиграф «*Vox clamantis in deserto*»¹⁵.

Сознвая, насколько не соответствует критическая программа Ап. Григорьева «обыкновенному понятию» о лучшем критике, Н.Н. Страхов заявляет, в свою очередь, что он говорит «вещи, которые многим должны показаться странными и неслыханными, которые идут против предрассудков, давно установившихся и очень распространённых. Но нам кажется, что настало время сказать правду... Ап. Григорьева мы считаем лучшим нашим критиком, действительным основателем русской критики. Ему принадлежит единственный существующий у нас полный взгляд на русскую литературу, т.е. взгляд, объёмлющий одною мыслью все её явления и направления, – взгляд, верный до сих пор, блиста-

тельно подтверждаемый такими произведениями, как «Война и мир»»¹⁶.

Это заявление подтверждается у Страхова сравнительно-историческим анализом критических программ В.Г. Белинского и Ап. Григорьева и, затем, собственным исследовательским переоткрытием «Войны и мира». «Насколько верны и достойны своего высокого предмета мои мысли, пусть судят люди, разумеющие дело; но одно я знаю наверное: я шел правильным, надлежащим путём. Я не спорил с художником, не торопился стать к нему в положение судьи, не чувствовал желания противоречить его отдельным мнениям и высказывать свои собственные, будто бы более основательные взгляды на те же вещи. Прежде всего я старался понять создание художника, проникнуть в смысл того очарования, которое так могущественно и неотразимо овладело мною, — уразуметь, откуда и в чём эта сила. Вот почему я надеюсь, что не лишён той награды, которая достаётся и следует за такое простое и смиренное отношение к делу. Не только я награждён тем, что скоро понял безмерно великую ценность «Войны и мира», но мне думается, я заслужил и более важную награду: в некоторой мере я понял душу этого произведения; я нашёл те точки зрения, те категории, с которых его следует судить, и мне открылась связь с его историею и ходом нашей литературы»¹⁷.

В статьях о «Войне и мире» Н.Н. Страхов первым обратил внимание на особый, онтологически сложный смысловой горизонт толстовских рассуждений об истории. Признав, что у Толстого «вопрос о *свободе воли*... поставлен с замечательною глубиною, которой мы не найдём и малой доли у Бокля, или Милля, или других ныне у нас любимых философов»¹⁸, Страхов отклонил, и довольно насмешливо, фаталистические прочтения исторических высказываний Л.Н. Толстого: «*Фатализм* – вот как называли философский взгляд гр. Л.Н. Толстого на историю, не догадываясь, что это название само по себе ничего ещё не выражает. Фатализм, точно так же, как *пантеизм*, *идеализм* – суть общие термины, под которые подходит всякая философия, что немало удивляет тех, которые в первый раз знакомятся с философскими системами. Вы хотите объяснить, как мир произошёл от божества, держится им и зависит от него, – это

будет *пантеизм*. Вы хотите объяснить сущность явлений, смысл, для которого вселенная составляет оболочку, – это будет *идеализм*. Вы, наконец, хотите понять причины, по которым история *необходимо* должна совершаться так, а не иначе, – это будет *фатализм*»¹⁹.

Путь понимания исторических высказываний Толстого, по которому сам Н.Н. Страхов движется с максимальной обстоятельностью – это сосредоточенное исследование их смысловых доминант, толстовских стратегий воссоздания истории, а не рассуждений о ней. На этом пути Н.Н. Страхов расходится с П.А. Вяземским, П.В. Анненковым, К.Н. Леонтьевым, Н.С. Лесковым и другими уважаемыми современниками, весьма полемизировавшими между собою относительно историчности толстовского мышления, но, кажется, вполне согласными в том, что собственно исторические разработки Л.Н. Толстого часто не соответствуют неким общим представлениям о научной (или, как тогда говорилось, «научнообразной») истории. Н.Н. Страхов, пожалуй, единственный, кто усматривает в этом несоответствии положительные познавательные смыслы, вполне состоявшийся опыт познавательно ответственного, целостного и конкретного, фактического исторического понимания, свойственного Л.Н. Толстому.

«Итак, главной мысли «Войны и мира» нельзя искать в философских формулах гр. Л.Н. Толстого, а нужно искать в самой хронике, где *жизнь истории* изображена с такой изумительной полнотой, где для нашего сердца столько высоких откровений... тут ясно светится тот чисто русский идеал, который нам дороже всего на свете и в котором, наконец, всё дело. Сам автор в некоторых местах приходит к отвлечённым положениям, очевидно не вытекающим из его заключительных рассуждений»²⁰. «Сущность дела перед нами живо и ясно выступает в хронике, и вовсе не затрагивается в рассуждениях автора об истории. Если бы художник закончил свою книгу философскими или какими угодно мыслями, нам стал бы яснее смысл Бородинского сражения, сила русского народа, тот идеал, который нас тогда спас и живет нас до сих пор, – мы были бы довольны. Но формулы обыкновенного знания сами по себе холодны, бесстрастны, безразличны; они не уловляют ни кра-

соты, ни добра, ни правды, то есть того, что выше всего на свете, в чём заключается самый существенный интерес нашей жизни. Для науки – самое отвратительное явление, как и самое высокое, есть только следствие известных причин; но для живых людей это не всё равно... *для живого человека мир имеет красоту, жизнь, составляет предмет отчаяния или восторга, благоговения или отвращения, – и в этом состоит для нас существенная сторона дела*»²¹.

Н.Н. Страхов ведёт речь о некотором *максимуме историчности*, которым отличаются познавательные *предпосылки* толстовского *исторического письма*. «Связь настоящего с прошлым... ни у одного из наших художественных писателей... не имеет такой глубины и крепости», как у Толстого²²; к уяснению условий возможности этой связи, собственно, и направляются усилия Н.Н. Страхова. Насколько при этом Н.Н. Страхов становится близок к замыслу исторического самоопределения Л.Н. Толстого, можно судить по тому сосредоточенному, выразительному толкованию, которое даёт Н.Н. Страхов толстовским сомнениям насчёт возможностей «научообразной истории». «С наивностью, которую по всей справедливости можно назвать гениальной, он почти прямо утверждает, что историки, по самому свойству своих приёмов и исследований, могут изображать события только в ложном превратном виде, – что настоящий смысл, настоящая правда дела доступны только художнику. И что же? Как не сказать, что гр. Л.Н. Толстой имеет немалые права на подобную дерзость относительно истории? Все исторические описания двенадцатого года, действительно, являются какой-то *ложью*, в сравнении с живою картиною “Войны и мира”. Несомненно, что наше художество в этом произведении стоит безмерно выше нашей исторической науки, и потому имеет право учить её пониманию событий. Так некогда Пушкин своею “*Летописью села Горюхина*” хотел выставить на вид ложные черты, ложный тон и дух первых томов “*Истории Государства Российского*” Карамзина»²³.

Мысль о гениальной наивности Л.Н. Толстого здесь, как видно, оказывается в довольно напряженном отношении к отнюдь не наивной, скептической мысли самого Толстого относительно историографии, скованной «самим свойством своих приёмов».

Не будучи цеховым историком, Л.Н. Толстой не знает, разумеется, и об экзистенциальных тайнах ремесла, о том смысловом выборе, который совершает каждый историк в отношении своих источников, и о тех мерах предосторожности, которые он должен предпринимать ради этого. В «Нескольких словах по поводу книги “Война и мир”» сам Л.Н. Толстой почти донкихотствует, возражая некоему собирательному образу историка, для которого предпочтительнее иметь дело с героями, реконструировать историю в меру её объяснимости, как некое каузальное тождество событий, доверять документам, которые одинаково излагают события, хотя и составляются после того, как событие произошло и т.д.²⁴ Можно досадовать на то, что Толстой не обратил внимание на то, как складывал свои «напевы истории» его старший современник, патриарх немецкой историографии Л. фон Ранке и круг его учеников, в который входил И.Г. Дройзен, известный своей «Историкой»; или не обратил внимание на то, как устроены и из каких предпосылок воссозданы исторические характеристики Французской революции Т. Карлейлем, как переоткрыл Возрождение Ж. Мишле, создавал свою народную историографию Фюстель де Куланж и т.д. Однако напряженное сомнение Толстого в отношении «научкообразной истории» имеет весьма неожиданное положительное разрешение – плодотворный познавательный результат, который, собственно, и даёт основание Н.Н. Страхову писать о гениальной толстовской наивности.

Толстой, решившись заняться историей не как историк, а как художник («задача историка и художника совершенно различна»²⁵), фактически, как бы поверх решительно поэтизированных им самим дисциплинарных барьеров, вполне самостоятельно вырабатывает навыки исторического понимания, предметом которого оказываются не отдельные эмпирические данности истории, не концепты, будто бы таящиеся в этих данностях, а «лица» и «события»²⁶. Историчной реальностью в толстовской «неисторической истории» объявляются поступки людей, с их волевой конкретностью и неформализуемостью, их речевой очевидностью, существенно предшествующей их очевидности документальной.

Н.Н. Страхов замечает, что выработка и применение навыков такого исторического понимания требовали предельной искренности со стороны Л.Н. Толстого, — то, что на первых порах давало себя знать в «анализе, напряжённом до болезненности»²⁷. Припоминая Ап. Григорьева, Страхов приводит и его рассуждение об эволюции толстовских аналитических настроений: «Анализ Толстого дошёл до глубочайшего неверия во все приподнятые, необыденные чувства души человеческой в известной сфере. Он разбил готовые, сложившиеся, отчасти чужие нам идеалы, силы, страсти, энергии»²⁸. Это искреннее неверие сочеталось с почти платоническим настроением казнящей любви: Толстой «казнит во имя глубокой любви к правде и искренности ощущений, а не во имя узкой бюрократической “практичности”»²⁹. Неверно думать, что Толстой искренен вне конкретной исследовательской работы; напротив, известен обширный круг источников, с которыми он имел дело, подготавливаясь к написанию «Войны и мира», «Хаджи-Мурата» и др. исторически ориентированных своих работ; известен и опыт его критического анализа документов военной истории. Уточняя смысл конкретной искренности Л.Н. Толстого, Н.Н. Страхов называет её, наконец, «неуклонной поэтической правдивостью»³⁰.

Соглашаясь с тем, что историческое письмо Л.Н. Толстого создано вне рамок цеховой историографии, нельзя не признать его в качестве особого шедевра, достоинство которого особенно важно заметить. Л.Н. Толстой не написал ни исторической хроники, ни исторического романа, ни, строго говоря, исторической поэмы³¹. *Высказываясь*, Толстой стремится только к «дожанровой» добротности своего письма — к той исконной историчности истории, что не определяется письмом только, возникает не столько *в* строго предустановленных границах исторического понимания, сколько *на* этих границах или *сквозь* них. Эстетические смыслы добротности историчных высказываний об истории, «изнутри и вовне» собственного историчного опыта легко опознаются в конструктивно-художественной сосредоточенности Толстого; это — общее место в исследованиях, которое замечается со времени опубликования «Войны и мира» (от междометий типа «ожиг» до признания общего музыкального строя произведений

Толстого). Этико-философские смыслы добротности толстовского исторического письма, её морализующие начала ничуть не менее историчны. При этом, Толстой всегда предпочитал иметь дело с конкретностью историчного жизненного мира и быть самому убедительно конкретным в нём.

Распознавание этой конкретности Н.Н. Страхов, собственно, только начал. На время прерванное, исследование толстовских рассуждений об истории – вплоть до их культурно-исторических предпосылок, – надо полагать, сможет продолжиться и теперь.

Примечания

- 1 *Вяземский П.А.* Эстетика и литературная критика / Сост., вступ. статья и коммент. Л.В. Дерюгиной. М., 1984. Режим доступа: <http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_0920.shtml> Части, выпущенные в печатной версии издания, восстановлены по изданию: *Вяземский П.А.* Полное собрание сочинений. Т. 7. СПб., 1882.
- 2 *Милуков П.Н.* Воспоминания (1859-1917). Под редакцией М.М. Карповича и Б.И. Элькина. 1-2 тома. Нью-Йорк, 1955. С. 153-155. Режим доступа: <http://www.hrono.info/libris/lib_m/milyukov00.html>
- 3 *Лосский Н.О.* История русской философии. М., 1991.
- 4 *Зеньковский В.В.* История русской философии. Т. I. Ч.2. Л., 1991. С. 198, 208 и др.
- 5 См. напр.: *Антонов Е.А.* Антропоцентрическая философия Н. Н. Страхова как мыслителя переходной эпохи. Белгород, 2007. С. 117–155. *Ольхов П.А.* Здравый смысл и история (заметки к полемической эпиграфии Н. Н. Страхова «Вздых на гробе Карамзина») // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 125-132 и др.
- 6 Помимо всего, в 1913 году была издана обширная переписка В.В. Розанова с Н.Н. Страховым, с розановскими комментариями. См.: *Розанов В.В.* Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 2001.
- 7 *Чижевский Д.И.* Гегель в России. СПб., 2007. С. 7, 301–321.
- 8 *Шпет Г.Г.* Очерк развития русской философии. II. Материалы. Реконструкция Т.Г. Щедриной. М., 2009. С. 22.
- 9 Реплика А.А. Шеншина (Фета), подхваченная Н.Н. Страховым и переданная Л.Н. Толстому со своим комментарием: Н.Н. Страхов – Л.Н. Толстому. 16-го августа 1883 г. Петербург // Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870-1894. С предисловием и примечаниями Б.Л. Модзалевского. СПб., 1914. С. 304-305.
- 10 *Страхов Н.Н.* Предисловие к первому изданию // *Страхов Н.Н.* Критические статьи об И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом (1862-1885). Т. 1. Киев, 1901. С. III.
- 11 Там же. С. 242–243.
- 12 Там же. С. 233.
- 13 По слову Ап. Григорьева, для эффективной, органической критики требуется: «непоколебимая вера в искусство, пламенная страсть к его про- изведению, слияние своей жизни с тою жизнью, которая разлита в них». *Страхов Н.Н.* Л.Н. Толстой // Цит. изд. С. 244-245.

- 14 «Глас вопиющего в пустыне» (лат.). См.: Григорьев А.А. Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой. Граф Л. Толстой и его сочинения // Время. 1862. № 1. Режим доступа: <<http://small.karelia.ru/~filolog/vremja/1862/Jan/Tolstoy.htm>>. Григорьев А.А. Н.Н. Страхову. Оренбург. 1861 г. декабря 12 // Григорьев А.А. Сочинения в двух томах. Т. 2. Статьи. Письма. М., 1990. Режим доступа: <http://az.lib.ru/g/grigorjew_a_a/text_0450.shtml>. Ср.: Страхов Н.Н. Л.Н. Толстой // Цит. изд. С. 242.
- 15 Там же. С. 236.
- 16 Там же. С. 310–311. Ср.: Sorokin B. Moral regeneration: N.N. Strakhov's "organic" critiques of War and peace // The slavic and east european journal. Vol. 20. № 2. (Summer, 1976). P. 130-147.
- 17 Страхов Н.Н. Л.Н. Толстой // Цит. изд. С. 291.
- 18 Там же. С. 291. Сожалея о том, что философские рассуждения Л.Н. Толстого об истории попались на глаза критикам дилетантского, по преимуществу, склада и настроения, Страхов, между прочим, досадует и на самого Л.Н. Толстого, совершившего «большую ошибку против художественного такта» во втором эпилоге «Войны и мира». «Создаемся со всею откровенностью, что одно дело вредит другому. Философские рассуждения гр. Л.Н. Толстого сами по себе чрезвычайно хороши; если бы он выступил с ними в отдельной книге, то его нельзя было бы не признать отличным мыслителем, и книга его была бы одною из тех немногих книг, которые вполне заслуживают название философских. Но в соседстве с хроникой «Войны и мира», наряду с её животрепещущими картинами, эти рассуждения кажутся слабыми, мало занимательными, мало соответствующими величию и глубине предмета. В этом отношении гр. Л.Н. Толстой сделал большую ошибку против художественного такта: его хроника, очевидно, подавляет собою его философию, и его философия мешает его хронике. Многие «ценители и судьи», их тех, которые «имеют дар одно худое видеть», обрадовались этой ошибке и тотчас напали на «Войну и мир» со слабого места, со стороны рассуждений об истории, очевидно, воображая, что тут они победят наверное. Эти господа, нам кажется, очень ошиблись; мы не помним ни единого дельного замечания со стороны тех, кто весьма презрительно отзывался о философских взглядах гр. Л.Н. Толстого, и полагаем вообще, что авторы этих отзывов ещё далеко не доросли до своего подсудимого». — Страхов Н.Н. Л.Н. Толстой // Цит. изд. С. 288.
- 19 Там же. С. 297. Курсив мой. — П.О.
- 20 Там же. С. 296–297. Курсив мой. — П.О.
- 21 Там же. С. 249. На познавательную полноту этой связи Н.Н. Страхов указывает в ярком, трёхкратном риторическом повторе:
«Полная картина человеческой жизни.
Полная картина тогдашней России.
Полная картина того, в чём люди полагают своё счастье и величие, своё горе и унижение.
Вот что такое «Война и мир»». — Там же. С. 277.
- 22 Толстой Л.Н. Несколько слов по поводу книги «Война и мир» // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 16. М., 1955. С. 7–16.
- 23 Там же. С. 7–16.

- 24 Там же. С. 13.
- 25 Там же.
- 26 Страхов Н.Н. Л.Н. Толстой // *Страхов Н.Н. Критические статьи об И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом (1862–1885)*. Т. 1. Киев, 1901. С. 258.
- 27 Там же. С. 255.
- 28 Там же.
- 29 Там же. С. 224.
- 30 «Что такое “Война и мир”? Это не роман, ещё менее поэма, ещё менее историческая хроника. “Война и Мир” есть то, что хотел и мог выразить автор в той форме, в которой оно выразилось. Такое заявление о пренебрежении автора к условным формам прозаического художественного произведения могло бы показаться самонадеянностью, ежели бы оно было умышленно и ежели бы оно не имело примеров. История русской литературы со времени Пушкина не только представляет много примеров такого отступления от европейской формы, но не даёт даже ни одного примера от противного. Начиная от “Мёртвых душ” Гоголя и до “Мёртвого дома” Достоевского, в новом периоде русской литературы нет ни одного художественного прозаического произведения, немного выходящего из посредственности, которое бы вполне укладывалось в формы романа, поэмы или повести». — *Толстой Л.Н.* Несколько слов по поводу книги «Война и мир» // *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений. Т. 16. М., 1955. С. 7.

Литература

1. Sorokin B. Moral regeneration: N.N. Strakhov's "organic" critiques of War and peace // *The slavic and east european journal*. Vol. 20. № 2. (Summer, 1976).
2. Антонов Е.А. Антропоцентрическая философия Н. Н. Страхова как мыслителя переходной эпохи. Белгород, 2007.
3. Берлин И. История свободы. Россия. М., 2001.
4. Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика / Сост., вступ. статья и коммент. Л.В. Дерюгиной. М., 1984.
5. Вяземский П.А. Полное собрание сочинений. Т. 7. СПб., 1882.
6. Григорьев А.А. Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой. 1. Граф Л. Толстой и его сочинения // *Время*. 1862. № 1.
7. Григорьев А.А. Сочинения в двух томах. Т. 2. Статьи. Письма. М., 1990.
8. Зеньковский В.В. История русской философии. Т. I. Ч.2. Л., 1991.
9. Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991.
10. Лурье Я.С. После Льва Толстого. Исторические воззрения Толстого и проблемы XX века. СПб., 1993.
11. Милуков П.Н. Воспоминания (1859-1917). Под редакцией М.М. Карповича и Б.И. Элькина. Т. 1-2. Нью-Йорк, 1955.
12. Ольхов П.А. Здравый смысл и история (заметки к полемической эпитафии Н.Н. Страхова «Вздох на гробе Карамзина») // *Вопросы философии*. 2009. № 5.
13. Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870–1894. С предисловием и примечаниями Б.Л. Модзалевского. СПб., 1914.
14. Розанов В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 2001.

15. *Страхов Н.Н.* Критические статьи об И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом (1862-1885). Т. 1. Киев, 1901.
16. *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений. Т. 16. М., 1955.
17. *Чижевский Д.И.* Гегель в России. СПб., 2007.
18. *Шпет Г.Г.* Очерк развития русской философии. II. Материалы. Реконструкция Т.Г. Щединой. М., 2009.